

книгъ и убѣдили себя, что они такъ, шутя усвоили положительную науку; какъ невмѣняемые люди, они старались примѣнять потомъ свои выводы, дѣлали, понятно, глупость за глупостью, и наконецъ, сочли себя вправѣ ругать всячески науку и заявлять, что она—глупая забава и обманъ. Флорберъ мстилъ такимъ образомъ за бесплодность своихъ попытокъ посвятить себя самага въ тайны знанія... Толстой съ своей стороны охлаждаетъ неудачную страсть къ наукѣ, этой гордой и суровой красавицѣ, сердце которой можно завоевать только серьезною, долгою преданностію и самопожертвованіемъ, рисуя на сцѣнѣхъ дурачкія головы своихъ „Плодовъ просвѣщенія“. Вырождающійся Флорберъ и вырождающійся Толстой подаютъ другъ другу руку въ своемъ сумасшедшемъ бредѣ¹⁾.

Указавъ несостоятельность ученія Толстого по всѣмъ частнымъ пунктамъ и оцѣнивая въ общемъ все міровоззрѣніе его, какъ цѣлое, Нордау говоритъ слѣдующее „Какъ философъ, онъ (Толстой) проповѣдуетъ намъ, въ видѣ понятій о мірѣ и жизни, библейскіе тексты, постоянно противорѣча имъ и дико ихъ толкуя. Какъ глашатай нравственности, онъ проводитъ теорію непротивленія злу и преступленію, раздачи имущества и уничтоженія человѣческаго рода посредствомъ воздержанія. Въ своемъ ученіи объ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ онъ настаиваетъ на вредѣ знанія и цѣлительной силѣ невѣжества, на упраздненіи промышленности и на благодати земледѣльческаго труда, не объясняя, откуда возьметъ тогда крестьянинъ необходимыя земледѣльческія орудія? Самое замѣчательное въ его системѣ, что она не замѣчаетъ своей собственной ненужности. Еслибы она поняла себя, она ограничилась бы одною проповѣдью воздержанія. Само собою ясно, что нѣтъ никакой надобности ломать голову надъ цѣлью и смысломъ человѣческой жизни, надъ зломъ и любовью къ ближнему, надъ жизнію въ городѣ или въ деревнѣ, когда мы все исчезнемъ, вмѣстѣ съ современнымъ поколѣніемъ, съ лица земли²⁾“.

Чѣмъ же объяснить себѣ то, что Толстой, одинъ изъ вели-

1) Вырождение, стр. 101.

2) Вырождение, стр. 103—104.